

Френсис Стоноу СОНДЕРС

Автор «ЦРУ И МИР ИСКУССТВ: культурный фронт холодной войны»

Вступительное слово

Написание этой книги ушло 5 лет, и этот период я вспоминаю со смешанными чувствами. По каким-то необъяснимым причинам я работала с архивами по большей части в весенние и летние месяцы, обрекая саму себя на атмосферу потустороннего мира, создаваемую неоновым освещением и кондиционером, установленным на температуру как в морге. В Абилине, в штате Канзас, я обычно возвращалась в свой мотель из библиотеки Дуайта Д. Эйзенхауэра, когда солнце уже опускалось за горизонт, а на заднем сидении лежала куча отсканированных документов – мой улов за день, попавший в сети любопытства (а может, даже одержимости?) и попавший на крючок удачи. В Остине, в штате Техас, я была одиноким полуночным пешеходом, идущим по пыльной кромке дороги с оживленным движением из Центра гуманитарных исследований Гарри Рэнсома к эстакаде, подпирающей мою мрачную комнату в центре города. В этом мотеле все розетки в ванной были удалены, чтобы исключить возможность самоубийств, когда тостер или другой электрический прибор опускают в воду в ванной. У меня никогда не бывало суицидального настроения, но отсутствие какого-либо контакта с внешним миром временами ощущалось как расплата свыше за мое предприятие.

Было в моей работе также и приятное оживление, моменты ликования и радости из-за неожиданного сокровища, обнаруженного в документах, на которые я обращала лишь поверхностное внимание. Эти случайные находки – мощный аргумент в пользу традиционного изучения архивов в противовес исследовательской работе онлайн. Если можно было выделить одно важное преимущество прикованности к столу в архивах, в то время как весь остальной мир снаружи купался в лучах солнца, это было вот что: волнение, вызванное тем, что раскрылись связи, сложились цепочки, что неразгаданная загадка или гордиев узел превращается в доказательства и важнейшие аргументы.

За этим часто следует ощущение беспокойства. Когда я упаковывала копии документов, чтобы отправить их домой (их было просто-напросто слишком много, чтобы везти с собой), я беспокоилась о том, что они могут пропасть. Документы пересылались морским путем, так как авиапочта стоила слишком дорого, и я всегда прибывала домой на месяцы раньше, чем они. Но все посылки были доставлены в срок. Архив все увеличивался и увеличивался, и хранился в коробках под кроватью в течение многих лет.

Также был страх. Не тот, что испытывала моя мать (она была убеждена, что меня похитит ЦРУ, хотя мне казалось, они занимались совсем другими вещами). Был страх того, что мной начнут манипулировать или играть. Некоторые обманы были настолько изощренные – как костлявая рыба, которую нельзя проглотить; другие – разжигали аппетит, и их проще было понять. Многие из тех людей, у кого я брала интервью, обладали профессиональным даром убеждения и были обучены искусству лжи: они использовали термины «необходимое», «благородное», «патриотичное» и т.п. Наравне с естественным выражением патриотизма, угрызениями совести по поводу данных ими клятв о неразглашении секретной информации и кодексов чести, с легкостью также случались и сдача коллег: такой-то был полным болваном, другой невозможным бабником; жена третьего была любовницей президента, а потом она была убита. Офисные слухи. Но время от времени в сюжетах появлялась более темная сторона, неосторожные высказывания, как огнемёт направленные на нанесение ущерба репутации.

И наоборот, те, кто взяли на себя формальные обязательства обманывать вопреки своим лучшим качествам, не имея официальной подготовки, часто оказывались плохими лгунами. Слишком сурово сказано? Кто я такая, чтобы выступать в качестве инквизитора? Как я могу подходящим образом представлять эту историю, которую я не пережила, или понимать насущные и пугающие реалии послевоенного мира, запутанные и противоборствующие разработки в области культуры, политики и политики культуры? После опубликования книги в письме Ирвинг Кристол отверг мою, по его словам, «абсолютно идеологизированную и политизированную точку зрения», назвав ее «лицемерной». Другой корреспондент с ликованием заявил, что «Вальтер Лакер возненавидел книгу и высказал свои подозрения по поводу того, что ее написал католический священник».

У меня нет фактов, подтверждающих мою такую роль. Мои симпатии на стороне Вольтера, который утверждал, что каждый, кто убежден, должен быть подтвержден. Я думаю, что «мудрость неопределенности» Милана Кундеры является лакмусовой бумажкой для любого интеллектуального исследования. Книга «ЦРУ и мир искусств» может быть охарактеризована как полемика в противовес убеждению (которое можно отличить от веры или ценностей), и набор стратегий, направленных на мобилизацию одного убеждения против другого. В чрезвычайно политизированном контексте культурной холодной войны, отказ принять чью-либо сторону уничижительно назывался релятивизмом или нейтрализмом. Эту позицию или восприятие не терпели обе стороны: и Советский Союз, и Соединенные Штаты стремились подорвать позиции нейтрализма, и в театре операций, о которых эта книга, в Западной Европе, эта кампания стала продолжением очень похожей тактики.

Мое исследование не призвано обозначить моральную равноценность между двумя сторонами. Я не согласна с утверждением некоторых критиков, что эта книга слишком мягка по отношению к коммунизму, что в ней недооценивается отсутствие свободы, постоянная угроза, жесткий контроль, осуществляемый над культурой в

Советском Союзе и странах-союзниках. Шостакович страдал от депрессии? И у него была на это веская причина. Когда его бюст был на проверке в Советском комитете искусств, его председатель постановил: «Нам действительно необходим оптимистичный Шостакович». (В частных беседах композитор был доволен этим оксюмороном). Мой главный интерес – это интеллектуальная свобода, а тоталитарное государство не может поддерживать Шостаковича, который задавался вопросами о смерти и высмеивал ложные надежды; такое государство нуждается в официально регулируемой интеллектуальной, а, по сути, экзистенциальной – ортодоксальности. Демократии это не нужно. По своей природе она открыта для всех идей, и по этой причине в ней неизбежно будет обнаружена определенная степень тоталитарных идей.

В этом состоит различие между тем, когда в демократическое дискуссионное поле проникает противоборствующая идеология, и тем, когда происходит переворот и установление тоталитарного режима. Маккарти и те антикоммунисты, которые организовали его крестовый поход, интеллектуально оправдывая его, были слепы по отношению к этой разнице. Как сказал Хью Тревор-Ропер, когда я брала у него интервью в 1994 году: «Кто – не с нами, тот – против нас, и мы должны воспринимать как союзников всех, кто в достаточной мере противостоит коммунизму; политическая добродетель должна измеряться масштабом и глубиной неприятия людьми коммунизма, и да, в этом случае Гитлер был бы союзником». Во имя демократии сторонники маккартизма прибегали к инструментам тоталитаризма. Не будет ли слишком праведным и возвышенным предположение, что это было пятном на совести американцев? В конце концов, в США не было ГУЛАГА. Таким образом, все это представляется как меньшее из двух зол. Мне кажется, этот аргумент происходит от того, что Исая Берлин называл образом мышления «контр-просвещения». С какой стати в демократическом государстве в достоинство возводится отсутствие ГУЛАГа?

Образ мышления «от противного» процветал во время холодной войны. Концепт Джорджа Оруэлла «двоемыслие» (сейчас это уже стало клише, но лишь потому что это выражение было столь уместно использовано в романе) раскрывает механизмы, с помощью которых идеологи подделывают реальность. Помимо этого, двоемыслие означает «осознание полной правдивости во время выражения тщательно продуманной лжи...использование логики против логики, отвержение морали при акцентированном внимании на ней». Конечно, Оруэлл предостерегал о компрометирующих манипуляциях, посредством которых тоталитарное государство оправдывает само себя. Однако, именно двоемыслие скрывается за тем фактом, что Конгресс за свободу культуры спонсировался и управлялся (и в конце концов, был ликвидирован) ЦРУ, которое параллельно поддерживало и способствовало установлению правых диктатур; которое создавало убедительную основу для кампании под названием «воинствующая свобода»; которое отличалось настойчивостью в выделении любых сумм для продвижения антикоммунистической пропаганды в джунгли Вьетнама; которое «наколдовало» Нобелевскую премию мира для Генри Киссинджера в 1973 году (побудив Тома Лерера заявить, что он покинет

комедийный жанр, так как не может соревноваться в этом со Стокгольмским комитетом).

Холодная война была пугающе реальна, это не была затянувшаяся ссора под надуманным предлогом. Она создала ложную реальность, и в книге «ЦРУ и мир искусств» поднимается вопрос, в какой степени люди искусства оказались втянуты в создание этих фальшивок и, что вызывает еще больше противоречий, насколько они их преувеличивали. Это исследование не столько интеллектуальная история, сколько история интеллектуалов, и в частности нью-йоркской интеллигенции, этом чрезвычайно необыкновенном смещении людей, которые были на передовой линии культурного фронта холодной войны. Они были частью оранжереи идеологических и литературных дискуссий, которые привели к появлению ряда важных работ (например, «Конец идеологии» Дэвида Белла; «Истоки тоталитаризма» Ханны Арендт; «Одинокая толпа» Дэвида Рейсмана). В начале их аргументы ограничивались страницами изданий «Партизан Ревью», «Комментарий» и других «малых журналов». После, являясь частью культурного консорциума, созданного ЦРУ (зная это или не зная), они вдруг приобрели международную аудиторию.

Эти воины холодной войны, неспособные отказаться от привычки (и интеллектуального стиля) радикального недовольства, не готовые выйти за рамки этого подхода, не смягчили свою риторику после краха коммунизма. Встречи с ними всегда были для меня интересным опытом, иногда оставляющим неприятные впечатления. Объект их критики исчез, и они превратились в старых ворчунов из-за отсутствия этого противника. Теперь, скрипя в своих седлах, они кидают свои ржавые копыта в новые мишени, такие как движение в защиту прав женщин, «новых левых», афроамериканцев, матерей-одиночек, иммигрантов, людей не встающих при исполнении национального гимна. Волна либерализации – это не та свобода, на которую они надеялись, она обрушилась на них и поставила в затруднительное положение. Я помню жующего свой стейк (и мои последние доллары) Корда Мейера, прерывающего еду лишь для того, чтобы изрыгнуть новую порцию раздраженных речей о том, что единственным достижением мультикультурализма стала невозможность найти официанта, говорящего на хорошем английском. Спустя несколько дней уже Ирвинг Кристал сетовал на «глупое», по его мнению, меню «мексиканская неделя» в столовой в Американском институте предпринимательства, и показательно заказывал гамбургер.

Демократия стала слишком демократичной, и больше не прислушивается к советам своих мудрецов. Они не нужны новому поколению. Они спорили со всем миром и проиграли. Когда я думаю о них, я вспоминаю о словах Гертруды Стайн: «Америка является старейшей страной в мире, потому что она первая вошла в двадцатый век».

На книгу «ЦРУ и мир искусств» пришлась своя доля приключений. Публикация в Великобритании в 1999 году была ознаменована выходом радио

программы, в которой приняли участие выдающийся государственный деятель Генри Киссинджер и я. Нервное напряжение заставило меня замолчать, а в памяти зафиксировались ногти на пальцах Киссинджера, которые были обкусаны до крови. Он покинул студию посреди передачи, очевидно, недовольный утверждением, что бомбардировка Камбоджи и свержение Сальвадора Альенде были незаконными. В США первоначальный издатель отказался от книги на финальной стадии подготовки публикации, это решение было обосновано тем, что я недостаточно подчеркнула, что «американская позиция была справедливой» и что «ЦРУ и другие были на стороне добра». В конце концов, книга была издана не издательством «Свободная пресса» (еще один оксюморон?), а при доброжелательном содействии Андрэ Шиффрина издательством «Новая пресса». На презентации в Риме я была втиснута между двумя спикерами, которые пришли в бешенство настолько, что набросились друг на друга. Мой издатель вмешался до того, как они схватили друг друга за грудки. На приеме в Лондоне в 2007 году я была представлена премьер-министру Гордону Брауну, который сказал, что прочитал книгу с большим интересом и подумал, что подобное культурный фронт был бы очень уместен в существующих обстоятельствах. Как вы понимаете, это не тот вывод, которым я могла бы гордиться. Я не одобряю того, что эта книга может быть взята каким-либо правительством на вооружение в качестве руководства по применению для использования «мягкой силы». Но, как кто-то однажды сказал, лучшая ирония существует внутри других ироний.

С того момента, как книга «ЦРУ и мир искусств» впервые была опубликована на английском, она была издана на французском, немецком, итальянском, арабском, турецком, болгарском, китайском, греческом и испанском языках. Мне приятно, что сейчас она переведена и на русский язык, и я выражаю свою благодарность Ольге из агентства «Синописис» и Веронике Крашенинниковой из ИНВИССИН, благодаря которым это стало возможно.